

М.С. Сушенцова
НИУ ВШЭ, Москва

И.Г. Чаплыгина
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва; МГУ-ППИ, Китай

Природа гуманизма и материализма в концепции человека К. Маркса

Аннотация. В статье предпринята попытка прояснить концепцию человека К. Маркса с точки зрения его особого понимания гуманизма и материализма. По мнению авторов, работы Маркса, в том числе экономические, содержат нормативные элементы. Базовой ценностью является свободная самореализация человека. Эта самореализация не является средством воплощения каких-либо конкретных свойств человека, которым Маркс придавал дополнительную ценность, а предстает как самоцель. Сравнивая с другими видами гуманизма, авторы классифицируют позицию Маркса как не векторный антропоцентризм. Такая позиция представляется связанной с общим отрицанием Марксом абстрактных этических принципов, как и любых абстрактных категорий, и значимостью в его философии практики как процесса актуализации бытия. В этом контексте исторический материализм Маркса представляется тесно связанным с его концепцией человека: субъект является активным участником материальной истории; значительная, и самая важная, часть материального мира предстает как отчужденная объективизированная субъективность – результат самореализации человека. Природа и человек воспринимаются К. Марксом как диалектическое единство, и первая приобретает свое значение только как пространство жизни второго. Это позволило авторам выдвинуть тезис о субъективном материализме К. Маркса. Авторы показывают, что даже в поздних работах Маркса историческая задача развития производительных сил подчинена цели полного освобождения человека, восстановления его первенства по отношению ко внешнему миру. Реализация этой задачи предстает как ключевой вектор истории в концепции Маркса.

Ключевые слова: Маркс, концепция человека Маркса, антропоцентризм, субъективный материализм, этика (мораль), отчуждение, диалектика, фетишизм, цели исторического развития, коммунизм

Классификация JEL: B14, B40.

Цитирование: Сушенцова М.С., Чаплыгина И.Г. (2022). Природа гуманизма и материализма в концепции человека К. Маркса // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1 (53). С. 181–200. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-9

В современной отечественной и зарубежной литературе широко дискутируется вопрос о единстве теоретического наследия Маркса (Дудник, 2018; Кондрашов, Любутин, 2011; Устинов, 2016; Daly, 2000; Cannon, 2015; Henning, 2015). Это связано в том числе с кажущимся противоречием между его ранними философскими работами (до 1845 г., как указывает Л. Альтюссер¹), где наиболее ярко раскрывается гуманистическая концепция человека, и более зрелыми, в первую очередь экономическими, в которых выражен материалистический подход. На основе этого, в частности, выдвигается тезис о «двух Марксах», предполагающий, что Маркс кардинально изменил свои взгляды в поздний период своего творчества. Это различие послужило водоразделом между двумя полярными течениями

¹ Л. Альтюссер выдвигает тезис об «эпистемологическом разрыве», который «разделяет мысль Маркса на два больших существенных периода: “идеологический” период, продолжавшийся до разрыва 1845 г., и “научный” период, следующий за ним...» (Альтюссер, 2006а, с. 51). Альтюссер определяет идеологию как «практический сигнал» о существовании проблемы, которая не должна претендовать на статус теории, а науку рассматривает как инструмент познания этой проблемы (Альтюссер, 2006б, с. 347). Он считает, что в своих поздних работах Маркс осуществил именно этот переход от идеологии к науке. Ранние работы помогли ему нащупать проблемы и послужили указателем, «дорожным знаком» при переходе к научному познанию (и новой научной терминологии) – от абстрактного к реальному, от сущности человека к общественным отношениям, от идеологически нагруженной философии к науке (там же, с. 347).

западного послевоенного марксизма, «гуманизма»² и «сциентизма»³: первый абсолютизировал роль раннего, а последний — позднего периодов творчества Маркса. В рамках этих направлений противопоставляются и две концепции человека Маркса: философская (ранняя) и экономическая (поздняя). В нашем исследовании мы попытались прояснить эту двойственность и понять, кем является человек для Маркса, каковы его природные свойства и его значение в окружающем мире.

Проблема роли человека в материальном мире является давней философской проблемой. Но, по мнению культурологов, в эпоху Нового времени она получает новое развитие в рамках европейской культуры: в связи с развитием науки в этот период мир все более представлял как «самостоятельный и самодостаточный механизм... который... своей организацией был в высшей степени чужд человеку» (Тарнас, 1995, с. 275). Научный метод представлял окружающую действительность подчиненной естественным законам, не зависящей от воли человека, что не оставляло места ни свободе воли, ни моральным ценностям в общей картине мира. В этом строго детерминистском пространстве человеку могла быть отведена лишь роль одной из шестеренок, обладающей заданными свойствами и приводимой в действие внешними факторами. Этот образ мира наглядно проявляется в работах экономистов-классиков, где о человеке — его потребностях, его выборе — говорится очень редко. Не случайно Н.Д. Кондратьев (Кондратьев, 1991) называл классическую политэкономия «миром богатства», т.е. миром, где действуют объективные факторы производства. В рамках классического подхода человек наделялся определенными универсальными свойствами — эгоизмом, стремлением улучшать свое благосостояние, рациональностью, отрицательным отношением к труду и т.д. — и далее его роль сводилась к механическому реагированию на внешние раздражители на основе калькуляции выгод и убытков («арифметика счастья» И. Бентама).

Тем не менее проблема свободы воли как неотъемлемого атрибута личности, укоренившаяся в европейской культуре, в том числе благодаря христианству, не могла быть просто выброшена как потерявшая актуальность. Но она плохо вписывалась в научную картину мира. Это противоречие начинает активно обсуждаться в европейской философии. Одним из тех, кто предложил свое решение данной дилеммы, был И. Кант. Как пишет Р. Тарнас, «ему предстояло примирить заявление религии о нравственной свободе человека с заявлением науки о том, что природа всецело определяется законами необходимости» (Тарнас, 1995, с. 287). Предложенное им разделение мира на феноменальный, поддающийся объяснению с помощью естественных законов, и мир «вещей-в-себе», скрывающий в себе пространство свободы и морали, стало одним из возможных решений этой проблемы.

² Один из ведущих представителей этого направления, Э. Фромм, считает, что поздние работы Маркса были скорее отклонением от генеральной линии раннего гуманистического периода. По его мнению, Маркс вынужденно следовал в них традиции современной ему политэкономии, изображая законы развития экономики как не зависящие от воли и сознания людей — «в духе механического детерминизма» (Фромм, 2007, с. 242). В этом проявилась «невольная уступка духу капитализма», а не сознательный шаг к построению научной теории исторического материализма (там же, с. 242). В этой связи Э. Фромм интерпретирует наследие Маркса скорее как философскую антропологию, нежели экономическую теорию.

³ По мнению Альтюссера, одного из сторонников данного подхода, истинное научное ядро творчества Маркса реализуется в зрелом периоде, когда формируется как новая теория (исторический материализм), так и философия (диалектический материализм) (Альтюссер, 2006а, с. 51). Итогом «теоретической революции» Маркса он считает принцип «теоретического антигуманизма», согласно которому никакие общие представления о человеке не могут быть допущены в круг подлинно научных построений, а квалифицируются лишь как идеологическая надстройка. Антигуманизм в таком понимании представляется Альтюссеру не ценностной платформой, а единственно возможным подходом, согласующимся с научным познанием экономики: «Знать что-либо о человеке можно лишь в том случае, если мы обратили в прах философский (теоретический) миф человека» (Альтюссер, 2006в, с. 325).

С конца XVIII в. свободный человек постепенно начинает возвращаться в центр мироздания в рамках течений романтизма, немецкой идеалистической философии (И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель), исторической школы права (Г. Гуго, Ф. фон Савиньи⁴). Эти процессы не обходят стороной и экономическую науку. Те трансформации, которые происходят в ней во второй половине XIX в., начиная с работ Дж.С. Милля, могут быть представлены как своеобразный ответ на этот вызов. И историческая школа Германии, и маржинализм, несмотря на все различие этих двух направлений экономической мысли, делают одинаковый шаг, отвергая классическую теорию, а именно возвращают в предмет анализа человека и его свободный выбор. Историческая школа говорит о зависимости экономических законов от культурно-исторического выбора наций. И пусть этот выбор не персонализирован, но формирующиеся таким образом законы приобретают рукотворный характер и, как следствие, могут быть изменены волей человека (что доказывает реформизм новой исторической школы). Маржиналистская революция, в свою очередь, предлагает строить науку на принципах методологического индивидуализма, тем самым помещая выбор хозяйствующего субъекта в центр своих исследований экономики. Этот выбор по-настоящему предстает свободным лишь у австрийской школы, и отчасти в модели Л. Вальраса⁵. В рамках неоклассики он становится все более заданным априорными свойствами человека и внешними факторами⁶. Тем не менее теория выбора надежно завоевывает положение базового элемента экономической науки.

На этом фоне теория Маркса может быть представлена как еще один ответ на вопрос о месте человека в детерминированном материальном мире. Чтобы определить особенности его позиции, нужно ответить на два вопроса, как Маркс понимает природу материального мира и движущие силы его развития, а также является ли человек для Маркса свободной личностью, наделенной волей и моралью.

1. Субъективный материализм Маркса

Обратимся сначала к анализу материалистической философии Маркса, чтобы определить, насколько его образ мира совпадает с детерминистской научной картиной. Мы уже говорили о том, что исторический материализм К. Маркса часто представляется как несовместимый с какими-либо гуманистическими идеями. В то же время Марксово понимание материи обладает яркой оригинальностью. С одной стороны, его мир – не механический мир, так как речь идет об исторических процессах. С другой стороны, в основе этих процессов лежит эволюция производительных сил. Особенно это касается экономических работ Маркса, в частности «Капитала».

⁴ Стоит заметить, что историческая школа права противостояла традиции естественного права и была в этом не единственной. В Англии шотландская традиция, заложенная работами Д. Юма (Westphal, 2016) и отраженная в работах А. Смита, а также проявляющаяся в идеях его русского ученика И.А. Третьякова (Чаплыгина, 2020), развивала эволюционистский взгляд на природу права, придавая большое значение исторической практике. Этот момент представляется важным, поскольку он предостерегает от опрометчивых выводов относительно влияния исключительно германской традиции на взгляды К. Маркса относительно роли практики, о чем речь пойдет ниже.

⁵ Механизм нащупывания цены Вальраса предполагает невозможность определения цены на основе объективных данных, он требует реального ответа продавцов и покупателей для выявления размеров спроса и предложения.

⁶ Эта трансформация скорее была ответом на методологическую проблему невозможности анализировать субъективные ощущения людей (Дж. Хикс), нежели возвратом к механистической картине мира. Эта проблема спровоцировала бихевиористский ответ Самуэльсона (теория выявленных предпочтений), который фактически восстановил свободу выбора, но вынес ее за рамки научного анализа.

На наш взгляд, это противоречие возникает из-за упрощенного понимания позиции Маркса, не учитывающего в полной мере, какую роль он отводит человеку в материальном мире. Любопытно, что Маркс сам фактически пытался предостеречь от упрощенного понимания материализма. В «Тезисах о Фейербахе» он пишет, что «главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и фейербаховский – заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно*» (Маркс, 1955в, с. 1). Эта фраза позволила нам выдвинуть тезис о том, что философскую позицию Маркса можно обозначить как субъективный материализм. Попробуем прояснить нашу позицию.

1.1. Антропоцентричное восприятие материи

Во-первых, в ранних работах Маркса высказывается мысль о том, что весь вещественный мир получает свое реальное бытие только через свою значимость для человека: «сама эта вещь есть предметное человеческое отношение к самой себе и к человеку» (Маркс, 1956, с. 592). Таким образом, любой материальный предмет это всегда «вещь для человека», воспринимаемая, мыслимая им или же им созданная: «мой предмет может быть только утверждением одной из моих сущностных сил⁷, следовательно, он может существовать для меня только так, как существует для себя моя сущностная сила в качестве субъективной способности, потому что смысл какого-нибудь предмета для меня (он имеет смысл лишь для соответствующего ему чувства) простирается ровно настолько, насколько простирается мое чувство» (там же, с. 593).

Во-вторых, большая часть вещественного мира – результат производственной деятельности человека. Об особом гуманистическом значении этой деятельности, связанной с главным предназначением человека – самореализацией, будет сказано дальше, в разд. 2 про антропоцентризм Маркса (см. п. 2.2.). Здесь же важно, что внешний мир, особенно экономический мир, есть для Маркса не что иное, как объективизированная творческая воля человека, «опредмеченный человек» (Маркс, 1956, с. 593).

В этой связи в целом возникает вопрос, обладает ли материя самостоятельным бытием для Маркса. С одной стороны, раскрывая природу труда, Маркс пишет о том, что труд «осваивает внешний мир» (там же, с. 562), природа «дает средства жизни» труду. Таким образом, эта природа является внешним объектом – условием трудовой деятельности человека, объектом приложения труда и средством физического воспроизводства рабочего (там же, с. 561–562). С другой стороны, отношение человека к миру как противостоящему ему слишком часто описывается Марксом с использованием негативных эпитетов. Этот разрыв между субъектом и объектом лежит в основе его концепции отчуждения, которая предполагает негативную оценку восприятия человеком не только результатов труда как чего-то внешнего и чуждого, но и всего вещного мира: «Мы рассмотрели акт отчуждения практической человеческой деятельности, труда, с двух сторон. Во-первых, отношение рабочего к продукту труда, как к предмету

⁷ Под сущностными силами Маркс, судя по тексту, понимает все виды чувств человека. В другом месте Маркс дает следующее перечисление: «Каждое из его человеческих отношений к миру – зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, мышление, созерцание, ощущение, желание, деятельность, любовь, словом, все органы его индивидуальности, равно как и те органы, которые непосредственно по своей форме есть общественные органы, являются в своем предметном отношении, или в своем отношении к предмету, присвоением последнего» (Маркс, 1956, с. 591). Обращает на себя внимание активная роль человека в восприятии внешнего мира, понимаемом как «присвоение» воспринимаемых предметов.

чуждому и над ним властвующему. Это отношение есть вместе с тем отношение к чувственному внешнему миру, к предметам природы, как к миру чуждому, ему враждебно противостоящему» (там же, с. 564). В этой связи возникает вопрос, каким должно быть отношение человека и мира, с точки зрения Маркса.

В ранних работах Маркса постоянно прослеживается мысль о единстве человека и природы, которое в процессе производства должно не разрушаться, а, наоборот, актуализироваться: «Благодаря этому производству природа оказывается его производением и его действительностью. Предмет труда есть поэтому опредмечивание родовой жизни, человека: человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире» (Маркс, 1956, с. 566). Возникает ощущение, что Марксу важно сохранить это единство человека и окружающего его внешнего мира. И речь идет не только о мире, созданном человеком. Маркс говорит о природе, которая «есть неорганическое тело человека, а именно — природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело. Человек живет природой. Это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть» (там же, с. 565). При этом Маркс не только называет природу частью человека, но и человека — частью природы: «Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы» (там же, с. 565). Таким образом, он не выстраивает никакой иерархии, создавая образ динамического единства, разрушение которого воспринимается им крайне болезненно, а потому требует преодоления. В этом, на наш взгляд, состоит третий тезис Маркса, демонстрирующий его восприятие материи в тесной связи с человеком.

В основе такого антропоцентричного восприятия вещного мира, безусловно, не лежит идея о том, что вне человека мира не существует (поэтому, строго говоря, мы не можем называть такой взгляд субъективным материализмом). Позиция Маркса представляется нам тесно связанной с его общим неприятием любой процедуры абстрагирования, разделения бытия на составные части, встречающейся как в его теории познания (отсюда неприятие абстрактных категорий, препарирующих предмет анализа), так и в теории социума (отсюда негативное отношение к любым стратификациям — классам, частной собственности⁸ и т.д.). Такой холизм представляется базовой характеристикой всей философии Маркса и потому кажется сложно устранимой основой его взглядов. Его можно связывать с влиянием как исторической школы Германии, так и с продолжением традиции античной философии⁹, которой увлекался Маркс.

Таким образом, материя становится предметом анализа Маркса исключительно в связи с человеком: как неорганическое тело человека, как опредмеченный человек, как пространство, в котором человек реализует себя. Более того, свою значимость внешний мир получает только в контексте активной деятельности людей, их практики.

⁸ В качестве иллюстрации можно привести цитату Маркса из третьего тома «Капитала» по поводу частной собственности на землю, которая «расточает силы земли», этой «общей вечной собственности, неотчуждаемого условия существования и производства постоянно сменяющихся друг друга человеческих поколений» (Маркс, 1962, с. 378). При этом Маркс сам исходил, например, из понятия классового интереса, но это не уничтожает негативной оценки такого рода стратификаций, которые, в частности, в обществе будущего должны быть уничтожены.

⁹ Здесь уместно вспомнить о той трансформации, которая произошла в эпоху Нового времени в характере восприятия реальности. Новый «научный» метод предлагал разделять предмет исследования на отдельные категории, тем самым достигая большей строгости анализа, но в то же время жертвуя целостным восприятием предмета. С этого момента, как считают философы, пошло противопоставление субъекта и объекта исследования, а также развитие аналитических методов познания и специализации наук.

1.2. Субъективная природа экономических категорий

Нам могут возразить, что проведенный анализ философской позиции Маркса основан на его ранних работах. Но мы специально начали наше исследование с цитаты из «поворотной» с точки зрения сторонников концепции «двух Марксов» работы, с «Тезисов о Фейербахе». Нам представляется, что антропоцентричное восприятие материального мира, проблема восстановления единства человека и природы, а также первенства человека как ценности по отношению к вещественному миру отчетливо проявляется и в экономических взглядах Маркса, и именно в экономических взглядах.

Саму экономику, как известно, Маркс рассматривает прежде всего как систему общественных отношений, которые проявляют себя в исторически возникающих производственных укладах. В третьем томе «Капитала» Маркс следующим образом определяет «экономический подход»: «...Совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу и при которых они производят, — эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры» (Маркс, 1962, с. 385). Безусловно, материальные условия, в которых протекает производственный процесс, играют важную роль. Но Маркс уточняет, что эти условия являются «в то же время носителями определенных общественных отношений, в которые вступают индивидуумы в процессе воспроизводства своей жизни», при этом и материальные условия, и общественные отношения «являются, с одной стороны, предпосылками, с другой стороны — результатами и продуктами капиталистического процесса производства» (там же, с. 385). Вся капиталистическая система, которая довлеет над человеком, подчиняя не только его тело, но и его сознание (и негативная оценка этого давления не исчезает ни в первом, ни в третьем томе «Капитала»¹⁰), сама определяется Марксом как «исторически-общественная определенность» (там же, с. 398), т.е. сформированная человеком в ходе истории. В этой связи уместно вспомнить оценку Альтюссером роли Маркса как открывателя нового континента — континента истории (см. об этом в (Жижек, 2019а, с. 21)).

Такая сложная взаимосвязь объективного и субъективного в экономических текстах Маркса исключает, на наш взгляд, возможность представления материи как первоосновы экономических отношений. В этом позиция Маркса кажется близкой взглядам нового материализма, отказывающегося от оппозиции природы и культуры (Жеримов, 2021, с. 56) и рассматривающего социальные феномены (а значит, и экономику) как результат динамического взаимодействия субъективного и объективного (Жижек, 2019б).

В целом восприятие экономических явлений как вещественных подвергается резкой критике со стороны Маркса. Именно в этом состоит суть его знаменитого отделения «вульгарной» политэкономии от классической. «Только ту политическую экономию, которая признала своим принципом труд (Адам Смит), т.е. которая уже перестала видеть в частной собственности всего лишь некое состояние вне человека, только эту политическую экономию следует рассматривать как продукт действительной энергии и действительного движения частной собственности, как продукт современной промышленности» (Маркс, 1956, с. 581).

¹⁰ Например, в главе XXIII «Всеобщий закон капиталистического накопления», когда Маркс пишет о том, что «рабочий существует для потребностей увеличения уже имеющихся стоимостей, вместо того чтобы, наоборот, материальное богатство существовало для потребностей развития рабочего» (Маркс, 1960, с. 635).

Умение увидеть человека за фактами собственности — вот что является важной отличительной особенностью настоящей политэкономии. Любопытно, что в связи с этим Маркс поддерживал идею Ф. Энгельса называть Смита «Лютером» политической экономии, преодолевшим фетишизм и идолопоклонство предшествовавшей теории в лице меркантилизма (там же, с. 581).

Доказательством того, что поздние работы Маркса сохраняют антропоцентричный взгляд ранних философских текстов, служит повторяющаяся не раз в «Капитале» (Маркс, 1960, с. 82, 635) аналогия из Третьей рукописи «Экономическо-философских рукописей» (Маркс, 1956, с. 589), которую проводит Маркс между экономической наукой и религией. Суть этой аналогии состоит в том, что и там, и там внешние силы (в экономике — частная собственность, в религии — Бог) ошибочно воспринимаются как причина, в то время как на самом деле они являются продуктом человеческой деятельности (собственность, капитал) или мышления (Бог). Таким образом, Маркс и в поздних работах продолжает настаивать, что товарный мир лишь представляется миром вещей, в действительности являясь «продуктом человеческих рук» (Маркс, 1960, с. 82).

Характерную для экономистов склонность воспринимать мир экономики как мир взаимодействующих вещей Маркс называет неспособностью противостоять «мистификации капиталистического способа производства» (Маркс, 1960, с. 550)¹¹. Приведенное выражение Маркс использует, когда пишет о неспособности экономистов отделить заработную плату от стоимости труда. Но мотив мистификации встречается и при более общей критике Марксом того, что «определенное общественное отношение самих людей... принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами» (Маркс, 1960, с. 82). Наиболее ярко эта идея, безусловно, проявляется в хорошо известной концепции «товарного фетишизма» Маркса, которой посвящен целый параграф первого тома «Капитала».

Тем самым Маркс, фактически как и историческая школа Германии, и последовавший маржинализм, противопоставляет свою теорию материалистическому восприятию экономики, характерному для классиков, и в целом противостоит классической науке Нового времени, воспринимающей мир как совокупность взаимодействия материальных сил, подчиняющихся естественным законам, и не оставляющей место для свободы воли человека.

При таком понимании материализма Маркса становится более понятным, почему производительные силы предстают движущей силой истории. Воспринимая вещный мир, «весь мир богатства» как «предметную сущность человека», Маркс наделяет его человеческими страстями. Являясь воплощением деятельности человека, они как бы впитывают его физическую и духовную энергию (Маркс, 1956, с. 561–563). Маркс пишет: «Мы видим, что история промышленности и сложившееся предметное бытие промышленности являются раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией, которую до сих пор рассматривали не в ее связи с сущностью человека, а всегда лишь под углом зрения какого-нибудь внешнего отношения полезности» (Маркс, 1956, с. 594). В этой связи и подчинение рабочих (равно как и капиталистов) интересам капитала доказывает не столько доми-

¹¹ О том, что все работы Маркса могут быть рассмотрены как попытка демистификации экономики, см. (Руда, 2019, с. 74–125). В своей статье Ф. Руда упоминает работу Альфреда Зон-Ретеля (Sohn-Rethel, 1972), в которой тот проводит аналогию между поздними работами Маркса и мифом о пещере Платона. На наш взгляд, здесь более уместно говорить о влиянии философии Демокрита, которой была посвящена диссертация молодого Маркса, в которой Маркс подчеркивал в качестве главного достоинства философии античного мыслителя его склонность искать за внешними явлениями внутренние скрытые смыслы и процессы (см. подробнее (Чаплыгина, 2019)).

нирование материи над личностью, а антропоморфность этой материи, которая лишь воспринимается как вещественная. Правомерность такой интерпретации идей Маркса подтверждается его более ранним тезисом из «Экономическо-философских рукописей», где он пишет, что человека может подчинять только человек: «Не боги и не природа, а только сам человек может быть этой чуждой силой, властвующей над человеком» (Маркс, 1956, с. 568). Таким образом, источником любой власти является человек, в том числе экономической власти капитала над трудом.

2. О гуманизме Маркса: не векторный антропоцентризм

Если мы принимаем, что человек играет такую важную роль как в философских, так и в экономических текстах Маркса, самое время рассмотреть, каким видится человек Марксу и в чем природа его ценности. Основная трудность интерпретации этической позиции Маркса состоит в ее неясности. Большинство исследователей данной темы приходят к схожему выводу: моральный контекст в работах Маркса представляет собой совокупность «инсайтов» (Kamenka, 1969, p. 2), или «моральных подтекстов» (Henning, 2015, p. 270), которые нуждаются в реконструкции.

Этическая составляющая теории Маркса наиболее четко проступает в его ранних философских работах, поскольку связана с его антропологией. Раскрываемый в них взгляд на природу человека задает, на наш взгляд, нормативный вектор всего исторического развития. В этом контексте весь Марксов критический анализ системы капитализма представляется пронизанным его первоначальным «категорическим императивом» (Henning, 2015, p. 273–274), «этическим импульсом» (Kamenka, 1969, p. 4), или «увлечением моралью» (Дюмон, 2000, с. 184).

Попробуем прояснить суть позиции Маркса, сопоставив ее с различными видами гуманизма и проанализировав образ человека в его работах.

2.1. Виды гуманизма

Современное понятие гуманизма включает его разные определения, которые объединяет признание того, что высшей ценностью является человек и его развитие. Разнообразие современных трактовок гуманизма возникает как из разного понимания природы человека, так и из разного обоснования ценности человека. В этой связи мы можем выделить три базовых типа обоснования. Личность является абсолютной ценностью, поскольку она:

- 1) создана по образу Творца и способна познавать и стремиться к его совершенству,
- 2) является базовой единицей общности и носителем норм и кодов выживания этой общности,
- 3) сама по себе является уникальной субъективностью, реализующей себя и способной самосовершенствоваться.

Первая позиция может быть отнесена к теоцентризму, т.е. видению мира как сотворенного Богом по его замыслу и законам, в рамках которого ценность человека определяется его соприродностью творцу и особой миссией, заключающейся в приближении к божественному идеалу как собственной души, так и окру-

жающего мира. Второй подход может быть назван социологическим: человек представляет ценность как носитель социальных норм, которые интериоризируются в его сознании и системе ценностей. Таким образом, личность рассматривается прежде всего как воплощение определенной общности. Третья позиция может быть названа антропоцентрической. Она подразумевает различные трактовки. С одной стороны, можно приписывать человеку определенную природу (врожденные свойства), которые признаются как базовые ценности и задают естественный вектор развития человека и общества. Например, из предпосылки английского сенсуализма (Дж. Локк, Ф. Хатчисон, Э. Шефтсбери) и французского просвещения (Ж-Ж. Руссо) о том, что человек по природе добр, следовало, что эта добрая природа должна быть максимально раскрепощена и она является залогом оптимистичного сценария развития как самого человека, так и всего общества. Назовем такой подход векторным антропоцентризмом. С другой стороны, можно смотреть на человека как на полностью свободное от каких-либо заранее заданных характеристик существо, которое реализует себя в стихийном творческом процессе. Ценны не определенные характеристики человека, ценен сам человек. При таком взгляде процесс свободного волеизъявления личности важен не потому, что он гарантирует положительный результат (результат может оказаться самым неожиданным), а потому что сам этот процесс, возможность раскрытия уникальной субъективности каждого человека предстает как высшая ценность. Такой подход можно назвать эволюционным, или не векторным, антропоцентризмом¹².

Нам представляется, что в понимании человека Маркс близок именно к последней точке зрения – не векторному антропоцентризму. Для Маркса ценностью является возможность воплощения индивидуальной субъективности в ходе исторической практики. Сама история предстает как процесс раскрытия этой субъективности, ее воплощения в общественных формах. При этом важное значение имеет абсолютная свобода личностной самореализации, свобода от априорно заданных норм и форм. Попытаемся доказать наш тезис.

2.2. Есть ли у Маркса моральный идеал человека

Среди привычных критических замечаний по поводу буржуазной морали, которая является продуктом производственных отношений (и которая присуща даже рабочим в отчужденном состоянии), выделяется тезис Маркса об универсальном характере страданий рабочего класса, которые он описывает как «полную утрату человека» (Маркс, 1955б, т. 1, с. 428). В ряде работ раннего и переломного периодов встречаются подчеркнута эмоциональные пассажи о необходимости восстановить общечеловеческий облик, целостность личности рабочих, понимаемые как возвращение человека к своей истинной природе (Маркс, 1955б, т. 1, с. 428; Маркс, Энгельс, 1955, т. 3, с. 68, 78). В них содержится указание на то, что эта природа существовала до начала активной самореализации человека в истории, а также на то, что исторически сложившаяся проблема отчуждения связана не только с экономическими процессами, но с общим состоянием человека.

Первоначальная природа человека определяется Марксом через понятие «родовой сущности». Маркс описывает понятие «род» как всеобщее, универсаль-

¹² По мнению авторов, примером такого подхода может являться философия жизни Ф. Ницше.

ное начало в человеке, которое, с одной стороны, отличает его от животных, с другой, — соединяет его с обществом (Маркс, 1956, с. 632). Мы обнаружили две черты, которые присущи человеку в его родовом состоянии. Первая — осознанная деятельность (труд). Человек отличается от животного тем, что его труд имеет произвольный характер, т.е. человек склонен активно действовать во внешней среде не только под давлением жизненных потребностей, но и движимый собственной свободной волей. Такую же точку зрения высказывает И. Валлимани. Называя родовую природу человека «биологической» моделью, он определяет её в общем виде как то, что отличает человека от животного: человек занимается материальным производством независимо от нужды, и эта деятельность носит осознанный, универсальный и свободный характер (Wallimann, 1981, р. 12–13). Отсюда возникает особая, гуманистическая интерпретация процесса труда у Маркса. Этот труд рассматривается им как важное средство самореализации человека. Согласно ранним философским взглядам Маркса человек приходит в этот мир для того, чтобы реализовать заложенный в нем потенциал во внешнем мире через свободную активную деятельность, объективизировать свою субъективную природу в виде материальных артефактов (экономика) или культурных явлений (см. подробнее: (Чаплыгина, 2019)).

Вторая родовая черта — склонность устанавливать взаимосвязь с другими людьми. Мы находим подтверждение нашей идеи опять же у И. Валлимани, который пишет, что человек как «родовое существо» (Gattungswesen) «значит “интерактивное существо” в дополнение к существу, которое имеет интеллект, волю и эмоции» (Wallimann, 1981, р. 18), т.е. существо, вступающее во взаимодействие с окружающей средой, — как материальной, так и общественной. При этом важно отметить, что индивидуальное и общественное начала представляются Марксу равноправными: «Прежде всего следует избегать того, чтобы снова противопоставлять “общество” как абстракцию индивиду. Индивид есть общественное существо» (Маркс, 1956, с. 590). Таким образом, социальная направленность человека включается в саму его природу, следовательно, нельзя говорить о том, что человек, по Марксу, есть просто продукт общества, как это предполагает социологическая точка зрения (Дюмон, 2000)¹³. В то же время человек не может быть и полностью отделён от общества. Человек и социум предстают еще одним диалектическим единством, наподобие того, что мы обнаружили, рассматривая отношения между человеком и материальным миром.

Таким образом, родовым началом человека, по Марксу, является его активное и произвольное взаимодействие с внешним миром (процесс производства) и с другими людьми (общественные отношения). И это — единственные определенные характеристики, которые дает Маркс. С нашей точки зрения, это не случайно.

Маркс считает, что естественное состояние человека не может быть определено априори. Оно выводится эмпирически, в частности из сравнения человека с животным (Wallimann, 1981, р. 14). В этом, безусловно, проявляется общий метод Маркса, который он считал истинно научным и который становится, на наш взгляд, фундаментальной причиной критики Марксом любых нормативных концепций человека, будь то религиозного или идеалистического толка. Маркс подвергает критике любые попытки описать природу человека

¹³ Л. Дюмон, будучи сторонником социологического подхода, очень чутко улавливает присутствие самостоятельного индивида в работах Маркса. Он критикует Маркса за отсутствие социологического подхода, суть которого сводится к восприятию человека как члена общности, носителя ее норм (Дюмон, 2000).

с помощью абстрактных категорий. В этом состоит в том числе его критика немецкого идеализма, а также Л. Фейербаха. Абстракции для Маркса допустимы лишь как обобщения конкретного материала, а не как самостоятельные субстанции: «Изображение действительности лишает самостоятельную философию ее жизненной среды. В лучшем случае ее может заменить сведение воедино наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей» (Маркс, Энгельс, 1955, т. 3, с. 26). С его точки зрения, любые формы сознания, любые мыслительные конструкции в отрыве от своего материального носителя не имеют собственного существования и рассматриваются как еще один вид отчуждения: они порождаются человеком (его сознанием), а затем приобретают автономию и начинают доминировать над его сознанием как нечто внешнее. Маркс пишет, что «мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания» — это явления, у которых «нет истории, у них нет развития; люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления...» (Маркс, Энгельс, 1955, т. 3, с. 25). Мы привыкли интерпретировать такое отношение к абстракциям как проявление материализма Маркса. Но это точнее классифицировать как эмпиризм и эволюционизм, потому что логические абстракции — порождение не материальных сил, а людей в ходе исторической практики.

По этой же причине, на наш взгляд, Маркс не формирует определенной этической системы, хотя его теория имеет нормативный подтекст. Этика — это иерархия ценностей, выведенная на основе логики (т.е. а priori) из базовых постулатов, а Маркс демонстрирует крайнее неприятие априоризма. С его точки зрения, все мыслительные конструкты — порождение практики и должны следовать за практикой. Он негативно оценивает ситуацию, когда «сознание может действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно может действительно представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного, — с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т. д.» (Маркс, Энгельс, 1955, т. 3, с. 30).

Отсутствие конкретной морали в работах Маркса может создавать иллюзию, что в его теории вообще нет ценностей. Но это не так. Просто утвердив человека как абсолютную базовую ценность, Маркс как бы останавливается, заставляя замолчать логику и разум и предоставляя слово истории, поскольку считает, что любые проявления априоризма в отношении человеческой природы — это лишь изощренные формы отчуждения, т.е. искажения подлинной родовой сущности человека.

В этом состоит «открытость сценария», которую мы обнаруживаем в работах Маркса. Он не формирует имманентной нормы, к которой должен был бы стремиться человек как к собственному идеалу. Ценностью является сам процесс разворачивания в реальном мире человеческой природы, без определенного вектора. Маркс предоставляет природе человека право самой свободно определять свои исторические формы. Согласно К. Хеннингу в этом проявляется «натуралистическая этика человеческой сущности» Маркса, что сближает его позицию

с Ф. Ницше¹⁴ и З. Фрейдом (Henning, 2015, p. 285–286). Маркс кажется действительно близким философии жизни, которая придает первичную ценность самому процессу разворачивания индивидуальных историй, персональному опыту реализации внутренней природы каждого отдельного индивида.

В качестве емкого описания гуманистической позиции Маркса можно привести мнение Е. Каменки. Он характеризует ее как «прометеезированное» кантианство. С одной стороны, Маркс, вслед за Кантом, возвращает в научный анализ предпосылку о свободе воли — главное условие как осознанной деятельности, так и морали. В этой связи все, что лишает человека статуса автономного субъекта, воспринимается Марксом как обезчеловечивание (Kamenka, 1969, p. 11). С другой стороны, Маркс, в отличие от Канта, не признает давления никаких внешних моральных законов на человека. Он видит ценность человека в том, чтобы «подчинять себе деятельность и среду, а не в том, чтобы подчинять себя внешним ограничениям и требованиям» (Kamenka, 1969, p. 12). К этим ограничениям относятся и мораль. Кант видел достоинство человека в способности подчинить свои желания и волю соображениям долга — познанному разумом моральному закону. Маркс оспаривает автономность любых этических норм по отношению к человеку и любое подчинение этим нормам рассматривает как одну из форм отчуждения и рабства. Таким образом, если у Канта подлинная автономия и достоинство субъекта проявляются во власти разума над природой, у Маркса — в абсолютной власти самой человеческой природы над всем, не только материальным миром, но и любыми априорными конструкциями.

Но Маркс отрицает ценность не только трансцендентных, но и социальных норм, т.е. норм, создаваемых людьми в ходе истории. В современной социальной философии такие нормы рассматриваются как «само-трансцендентные» символические структуры (термин Ж.-П. Дююи), которые не являются изначально трансцендентными, но приобретают такой характер. Осознавая, что такая метаморфоза может быть интерпретирована как отчуждение, в Марксовом понимании этого слова, социология признает, что это — необходимое условие функционирования социальных норм (Жижек, 2019б). Маркс не приемлет такой формы отчуждения, поскольку она подавляет свободу самореализации личности. Как уже говорилось нами, он рассматривает социальное лишь как отражение субъективности личности. Тем самым отказывает социальным нормам в статусе реальных над- и внечеловеческих ценностей.

Таким образом, отказ Маркса от морали происходит сразу по двум направлениям — отрицание априорных категорий и объединение индивидуального и социального начал в «зародыше», в рамках родовой природы человека. По мнению ряда исследователей, в этом состоит упрощение природы человека Марксом. Е. Каменка пишет, что это упрощение связано с тем, что Маркс лишает разум и создаваемые им абстрактные категории самостоятельной власти над человеком (Kamenka, 1969, p. 12). Дюмон утверждает, что узость концепции Маркса

¹⁴ В работе Жукоцкого (Жукоцкий, 2002) упоминается ряд текстов, в которых проводятся параллели между Ницше и Марксом. Например, работа И. Петровича (Petrovic, 1971), вводящая статью Г. Хольца (von Holz) к четырехтомному изданию произведений Ницше (Nietzsche, 1968)). В частности, Хольц видит родство Марксовой критики идеологии с активным отрицанием ценностей Ницше, также антропологии двух мыслителей. У обоих человеческая природа представляется скованной культурными нормами и требует эмансипации. Сам В.Д. Жукоцкий пишет о том, что и Маркс, и Ницше «выстраивали свое философское кредо... на отрицании морали как самоценности, обособленной от реальной человеческой жизнедеятельности и диктующей ей сверху – какой быть» (Жукоцкий, 2002, с. 126). Оба философа противопоставили религии и трансцендентной морали «человека, данного в бытии», придав ему абсолютную ценность: «...Они развернули корабль классического философствования от трансцендентальной всеобщности человека к его имманентной всеобщности» (Жукоцкий, 2002, с. 126).

заключается в полном инкорпорировании социальной природы человека в его биологическую природу (Дюмон, 2000, с. 145).

3. Динамизм человеческой практики и вектор истории

В предыдущем разделе мы пришли к выводу, что у Маркса нет определенного идеала человека в прошлом. Но такой идеал нельзя найти и в его концепции будущего состояния человечества: «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние» (Маркс, Энгельс, 1955, т. 3, с. 34). В движении к освобождению личности основной акцент ставится на «пункте отправления» (искаженная природа человека, его труда и его отношения к окружающему миру), но не на «пункте назначения». Коммунизм для Маркса — динамический идеал, обретение пространства свободы, в котором наконец сможет раскрыть свою природу человек. Он предстает как определенные исторические условия, которые позволят запустить процесс преобразования человека: «...Как для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для достижения самой цели необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в революции; следовательно, революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества» (Маркс, Энгельс, 1955, т. 3, с. 69–70)¹⁵.

Таким образом, Маркс оставляет образ человека неопределенным принципиально. Для него человек — это изменчивая деятельная энергия, в которой ценным является «открытость сценария», а не конкретные формы воплощения. И в этой связи становится понятной та исключительная роль, которую играет в работах Маркса историческая практика. Она предстает как единственное средство раскрытия как природы мира, так и природы человека. Поэтому и человек у Маркса в первую очередь — действующее существо: «...Для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса» (Маркс, Энгельс, 1955, т. 3, с. 25). А потому и свобода исторической практики приобретает крайне важное значение.

Но сама эта практика развивается у Маркса по определенному сценарию. История драматична, и ее драматизм состоит в том, что она внесла искажение в «родовую» природу человека. В результате возникает человек случайный, ограниченный, ущемленный, как продукт отчуждения в сферах бытия и сознания. Он противопоставляется Марксом универсальному «родовому» человеку. И это противопоставление задает вектор развития истории — необходимость процесса эмансипации. Еще до развернутого анализа экономического отчуждения в статье «К еврейскому вопросу» Маркс описывает контуры этой желательной эмансипации: «Лишь тогда, когда действительный индивидуальный человек... в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных

¹⁵ Примечательно, что Фромм, вслед за Марксом, трактует задачу социализма как внутреннее изменение личности. Он также обозначает лишь отправную точку как морально неприемлемую: «Социализм явился синтезом религиозной традиции средневековья и постренессансного духа научного мышления и решимостью к политическим действиям. Подобно “буддизму” он стал “религиозным” движением масс, которое, по форме оставаясь светским и атеистическим, преследовало одну важную цель: освобождение людей от эгоизма и алчности» (Фромм, 2007, с. 235).

отношениях станет родовым существом... — лишь тогда свершится человеческая эмансипация» (Маркс, 1955а, т. 1, с. 406).

Присутствие гипотетической (подлинной) природы человека и ее фактической (искаженной) самореализации находит отражение в двоякой трактовке природы человека Маркса различными авторами. Так, И. Валлимманн считает, что «биологическая» концепция человека Маркса дополняется «исторической» (Wallimann, 1981, р. 10, 22). Историческая модель проявляется в том, как меняется человек во времени под влиянием внешних условий, т.е. выступает продуктом эволюции внешней среды (Wallimann, 1981, р. 15). Подобную мысль высказывает и Хэннинг, выделяя в рассуждениях Маркса «первую» и «вторую» природы человека, — но с точки зрения морального содержания. Поскольку в естественном состоянии все люди похожи, их принадлежность к виду дает им основания для равенства достоинства и прав каждого члена общества: «главным моральным элементом, связанным с этой первой природой, является равенство» (Henning, 2015, р. 285). Вторая природа является продуктом истории, искажающим первоначальное равенство людей и провоцирующая бунт первичной природы, выражающийся в социальных конфликтах (Henning, 2015, р. 284–285)¹⁶.

О том, какую роль играет практика в реализации подлинной человеческой природы, Маркс пишет еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Он указывает, что размышление об источнике возникновения природы и человека не имеет практического смысла, поскольку предполагает исторический момент, когда не существовало самого вопрошающего субъекта (Маркс, 1956, с. 598). По его мнению, объективный взгляд на историю будет возможен тогда, когда раскроется истинная природа человека, когда она получит свое практическое воплощение. Как мы писали ранее, это будущее состояние свободного воплощения человека желательно, поскольку в нем будет преодолено отчуждение, а это значит, что для человека деятельность станет понятной и прозрачной, будут сняты барьеры между ним и внешним миром. По мнению Маркса, это станет возможным при коммунизме. Поэтому он рассуждает с точки зрения факта его будущего осуществления: поскольку «существенная реальность человека и природы приобрела практический, чувственный, наглядный характер,... то стал практически невозможным вопрос о каком-то чуждом существе, о существе, стоящем над природой и человеком, — вопрос, заключающий в себе признание несущественности человека и природы» (Маркс, 1956, с. 598). Таким образом, практическое воплощение человеческого потенциала, которое станет возможным при новой форме общественных отношений, снимет необходимость в отвлеченных философских вопросах о происхождении человека и общества. Иными словами, Маркс с позиции желательного будущего оценивает целесообразность абстрактных рассуждений и роль практики, разворачивание которой и станет критерием познания, актуализации вопросов, которые следует задавать (точнее, снятия лишних вопросов)¹⁷. Это демонстрирует убежденность Маркса в том, что

¹⁶ По мнению Хэннинга, моральный пафос Маркса состоит в восприятии первой природы как ориентира для оценки исторических состояний человека. Неравное отношение к человеческому достоинству показывает степень искажения истинной природы человека и тем самым выступает принципом, согласно которому можно нормативно оценивать ту или иную форму общественной организации. Восприятие идей Маркса с точки зрения проблемы равенства прав в целом характерно для современных либеральных политических философов (см. Сушенцова, Мирошниченко, Лымарь, 2021).

¹⁷ Наличие в теории Маркса желательного направления развития общества, которое оправдывает «революционную практику», дало повод многим историкам общественной мысли, в противоположность Альтюссеру, считать, что в рассуждениях Маркса о судьбе капитализма идеология одержала верх над теорией (Булгаков, 1993; Дюмон, 2000; Шумпетер, 2012; Сандмо, 2019).

практика — единственный инструмент познания как такового, или, по меткому выражению Л. Дюмона, что «только действие может примирить факт и норму», т.е. преобразовать искаженную реальность (Дюмон, 2000, с. 184).

Итак, нам представляется, что для Маркса возвращение к родовой природе предполагает восстановление власти человека над любыми внешними нормами, любым исторически возникшим долженствованием. Это не предполагает ликвидации норм и правил координации, но уничтожение подчиненного состояния человека по отношению к ним. Суть перехода состоит в расчистке имманентного личностного потенциала от исторически сложившихся и подавляющих человека наслоений и искажений. Как уже говорилось, для Маркса эта родовая природа заключается в активной произвольной, т.е. не диктуемой жизненными потребностями, деятельности, позволяющей реализовать заложенный в человеке потенциал, а также единство человека с природой (производство) и другими людьми (социум). Конкретные формы проявления этой природы не могут быть определены а priori. Они проявляются в ходе истории и могут наблюдаться только эмпирически. Таким образом, ретроспективный оттенок возвращения, характерный для концепции истории Маркса, не предполагает поиска идеального состояния в прошлом. Восстановление родовой природы человека и ее свободное проявление представляется единственной ценностной константой, пронизывающей ткань исторического процесса.

Эволюционное развитие производительных сил в истории, которое находится в центре внимания поздних работ Маркса, оказывается направленным к той же гуманистической цели, которая была обозначена в ранних работах, — восстановление целостности личности через раскрытие ее потенциала. В качестве иллюстрации можно привести известный фрагмент из третьего тома «Капитала», где Маркс пишет о перспективе преодоления «царства необходимости»: «По ту сторону его [царства необходимости. — Прим. авторов] начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе» (Маркс, 1962, с. 387). Достижение этого «царства свободы» и олицетворяет вектор исторического развития, имеющий этически значимый характер для Маркса как в ранних, так и в поздних работах. Человек должен восстановить свою власть над внешним миром — материей, капиталом (овеществленным трудом), своими потребностями, над социальными абстракциями и т.д. — ради свободы деятельности во имя саморазвития. В результате у истории Маркса есть заданный вектор развития, а у человека такого вектора нет. В отношении человека действует только одна целевая установка — он должен вернуть себе права на самого себя.

Выводы

Обратившись к проблеме человека в работах Маркса и обнаружив достаточно распространенный тезис о противоречии между его ранними гуманистическими работами и экономическими текстами позднего периода, которое нашло отражение в легенде о двух Марксах, а также вылилось в возникновение двух противоположных направлений западного марксизма (гуманизм и сциентизм), мы пришли к следующему выводу. Каждое из этих направлений абсолютизирует

одну из сторон теории Маркса – либо представление о человеке как деятельном субъекте, либо роль материального мира, в котором этот человек вынужден действовать. С нашей точки зрения, противоречие возникает из-за недооценки диалектического характера работ Маркса и упрощенного понимания материализма поздних его работ. В этой связи мы постарались показать, что внешний мир имеет для Маркса значение только как объект для активной деятельности человека, его самореализации. Важность этого субъективного ракурса при восприятии материального мира сохраняется и в поздних экономических работах Маркса. В этой связи мы выдвинули тезис о том, что его философскую позицию можно назвать субъективным материализмом. Такой подход можно рассматривать как один из ответов на дилемму о месте свободной воли людей в мире, который с научной точки зрения подчиняется естественным законам, дилемме, которую пыталась решить европейская философия наиболее активно в конце XVIII в. – начале XIX в., а вслед за ней и экономическая наука во второй половине XIX в.

Что касается самого человека, мы определили, что он является для Маркса базовой ценностью. При этом Маркс не дает развернутых характеристик природы человека и целей его развития, кроме понятия «родового» существа. В этом понятии мы выделили два базовых свойства – активная деятельность (порождает производство) и социальное взаимодействие (формирует общество). Безусловной ценностью является свобода самореализации человека, тогда как формы этой самореализации не важны. На основе этого мы пришли к выводу, что в концепции человека Маркса нет вектора (невекторный гуманизм), т.е. конкретного идеала человека. В то же время важна историческая практика как процесс разворачивания потенциала личности. Мы связали это с общей методологической особенностью Маркса – неприятием любых форм априоризма и, следовательно, абстракций при описании реальности и человека, которые он характеризует как изощренные формы отчуждения.

В то же время, в концепции истории Маркса мы обнаружили вектор: цель исторического развития состоит в постепенном приближении к таким условиям, при которых будет возможно полное раскрепощение личности, восстановление ее родовой сущности и ее единства с внешним миром. Практика в этой связи выступает и средством прорыва к лучшему будущему (коммунизму), и средством раскрытия и воплощения той родовой деятельности, которая сможет реализоваться при снятии с человека всех оков.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Альтюссер Л.** (2006a). За Маркса. Предисловие. М.: Праксис. [Al'tyusser L. (2006a). *For Marx*. Introduction. Moscow: Praksis (in Russian).]
- Альтюссер Л.** (2006б). Дополнительные замечания о «реальном гуманизме». В кн.: «За Маркса». М.: Праксис. [Al'tyusser L. (2006b). Additional notes on the “real humanism”. In: *For Marx*. Moscow: Praksis (in Russian).]
- Альтюссер Л.** (2006в). Марксизм и гуманизм. В кн.: «За Маркса». М.: Праксис. [Al'tyusser L. (2006c). Marxism and humanism. In: *For Marx*. Moscow: Praksis (in Russian).]
- Булгаков С.Н.** (1993). Карл Маркс как религиозный тип. Соч. в 2-х т. Т. 2. М.: Наука. [Bulgakov S.N. (1993). *Karl Marx as a religious type*. Collection of essays. Vol. 2. Moscow: Nauka (in Russian).]

- Дудник С.И.** (2018). Карл Маркс и проблема гуманизма // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Философия и конфликтология*. Т. 34. Вып.4. С. 462–473. [**Dudnik S.I.** (2018). Karl Marx and the problem of humanism. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 34, 4, 462–473 (in Russian).]
- Дюмон Л.** (2000). Homo aequalis. Генезис и расцвет экономической идеологии. М.: NOTA BENE. [**Dyumon L.** (2000). *Homo aequalis. Genesis and sunrise of economic ideology*. Moscow: NOTA BENE (in Russian).]
- Жижек С.** (2019а). Введение. Неожиданные воссоединения. В кн.: С. Жижек, Ф. Руда, А. Хамза. «Читать Маркса». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 3–24. [**Zhizhek S.** (2019a). The unexpected reunion. In: S. Zhizhek, F. Ruda, A. Hamza. *To read Marx*. Moscow: “Higher School of Economics” Publishers, 3–24 (in Russian).]
- Жижек С.** (2019б). Маркс читает объективно-ориентированную онтологию. В кн.: Жижек С., Руда Ф., Хамза А. «Читать Маркса». М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 25–73. [**Zhizhek S.** (2019b). Marx reads an objectively oriented ontology. In: S. Zhizhek, F. Ruda, A. Hamza. *To read Marx*. Moscow: “Higher School of Economics” Publishers, 25–73 (in Russian).]
- Жукоцкий В.Д., Жукоцкая З.Р.** (2002). О тождестве противоположностей: к диалогике ницшеанства и марксизма в России // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 125–144. [**Zhukockij V.D., Zhukockaja Z.R.** (2002). On the identity of opposites: Towards the dialogics of Nietzscheanism and Marxism in Russia. *Social Sciences and Modernity*, 4, 125–144 (in Russian).]
- Керимов Т.Х.** (2021). Новый материализм в социологии: онтологические последствия // *Вестник Томского государственного университета*. № 462. С. 56–62. [**Kerimov T.H.** (2021). The new materialism in sociology: The ontological consequences. *Tomsk State University Journal*, 462, 56–62 (in Russian).]
- Кондратьев Н.Д.** (1991). Основные проблемы экономической статистики и динамики. М.: Наука. [**Kondrat'ev N.D.** (1991). *The main problems of economic statistics and dynamics*. Moscow: Nauka (in Russian).]
- Кондрашов П.Н., Любутин К.Н.** (2011). Анализ наиболее распространенных мифов о философии Маркса // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН*. Вып. 11. С. 80–97. [**Kondrashov P.N., Lyubutin K.N.** (2011). Analysis of the most prevalent myths on Marx's philosophy. *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 11, 80–97 (in Russian).]
- Маркс К.** (1955а). К еврейскому вопросу. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. Т. 1. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы. [**Marx K.** (1955a). On the Jewish question. In: K. Marx, F. Engels. *Collection of essays*. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury (in Russian).]
- Маркс К.** (1955б). К критике гегелевской философии права. Введение. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. Издание второе. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы. [**Marx K.** (1955b). Critique of Hegel's philosophy of right. In: K. Marx, F. Engels. *Collection of essays*. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury (in Russian).]
- Маркс К.** (1955в). Тезисы о Фейербахе. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. Издание второе. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы. [**Marx K.** (1955c). Theses on Feuerbach. In: K. Marx, F. Engels. *Collection of essays*. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury (in Russian).]

- Маркс К.** (1956). Экономическо-философские рукописи 1844 года. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. *Из ранних произведений*. М.: Государственное издательство политической литературы. [Marx K. (1956). Economic and Philosophic Manuscripts of 1844. In: K. Marx, F. Engels. *From early works*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury (in Russian).]
- Маркс К.** (1960). Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. Издание второе. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы. [Marx K. (1960). Capital: The criticism of political economy. Vol. 1. In: K. Marx, F. Engels. *Collection of essays*. Second edition. Vol. 23. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury (in Russian).]
- Маркс К.** (1962). Капитал. Критика политической экономии. Т. 3. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. Издание второе. Т. 25. Ч. 2. М.: Государственное издательство политической литературы. [Marx K. (1962). Capital: The criticism of political economy. Vol. 3. In: K. Marx, F. Engels. *Collection of essays*. Vol. 25. Part 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury (in Russian).]
- Маркс К., Энгельс Ф.** (1955). Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков. В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Издание второе. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы. [Marx K., Engels F. (1955). Critique of modern German philosophy according to its representatives Feuerbach, B. Bauer and Stirner, and of German socialism according to its various prophets. In: K. Marx, F. Engels. *Collection of essays*. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury (in Russian).]
- Руда Ф.** (2019). Маркс в пещере. В кн.: С. Жижек, Ф. Руда, А. Хамза. *Читать Маркса*. М.: Изд. дом «Высшей школы экономики». С. 74–125. [Ruda F. (2019). Marx in a cave. In: S. Zhizhek, F. Ruda, A. Hamza. *To read Marx*. Moscow: “Higher School of Economics” Publishers, 74–125 (in Russian).]
- Сандмо А.** (2019). Экономика: история идей. Пер. А. Апполонова, Ю. Каптуревского. Д. Шестаков (науч. ред.). М.: Изд. Института Гайдара. [Sandmo A. (2019). *Economics evolving: A history of economic thought*. Trans. by A. Appolonov, Yu. Kapturevskii. D. Shestakov (Sc. Ed.). Moscow: Gaidar Institute (for Economic Policy) Press (in Russian).]
- Сушенцова М.С., Мирошниченко М.А., Лымарь Ф.А.** (2021). Марксизм и либерализм о справедливости: философское обоснование и экономическая интерпретация // *Журнал экономической теории*. Т. 18. № 1. С. 116–126. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-1.8 [Sushencova M.S., Miroshnichenko M.A., Lyamar' F.A. (2021). Marxism and liberalism: Philosophical foundations and economic interpretation. *Russian Journal of Economic Theory*, 18, 1, 116–126. DOI: 10.31063/2073-6517/2021.18-1.8 (in Russian).]
- Тарнас Р.** (1995). История западного мышления. Пер. Т.А. Азарковича. М.: КРОН-ПРЕСС. [Tarnas R. (1995). *Passion of western mind*. Trans. by T.A. Azarkovich. Moscow: KRON-PRESS (in Russian).]
- Устинов О.А.** (2016). Концепция человека в философии К. Маркса: опыт реконструкции // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. Вып. 4 (28). С. 14–21. [Ustinov O.A. (2016). The concept of man in Marx's philosophy: An attempt of reconstruction. *Vestnik Permskogo universiteta. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”*, 4 (28), 14–21 (in Russian).]
- Фромм Э.** (2007). «Иметь» или «быть». М.: АСТ Москва. [Fromm E. (2007). “To have” or “to be”.

- Moscow: AST Moscow (in Russian).]
- Шумпетер Й.** (2012). Наука и идеология. В кн.: «Философия экономики. Антология». Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд-во Института Гайдара. С. 247–264. [**Shumpeter J.** (2012). Science and ideology. In: *The philosophy of economics. An Anthology*. D. Hausman (Ed.). Moscow: Gaidar Institute (for Economic Policy) Press, 247–264 (in Russian).]
- Чаплыгина И.Г.** (2019). Сочетание классической традиции с влиянием исторической школы в работах К. Маркса. В кн.: «“Капитал” Карла Маркса: полтора века спустя». М.: Кнорус. С. 37–51. [**Chaplygina I.G.** (2019). The combination of classic tradition and the influence of historical school in Karl Marx’s works. In: *Karl Marx “Das Kapital” – 150 years later*. Moscow: Knorus, 37–51 (in Russian).]
- Чаплыгина И.Г.** (2020). Камерализм и философия естественного права. *Terra Economicus*. Т. 18. № 4. С. 100–120. [**Chaplygina I.G.** (2020). Cameralism and philosophy of natural law. *Terra Economicus*, 18, 4, 100–120 (in Russian).]
- Cannon B.** (2015). *Marx, modernity and human rights. Constructing Marxist ethics: Critique, normativity, praxis*. T.M. Brill (Ed.), 165–191. DOI: 10.1163/9789004254152_009
- Daly J.** (2000). Marx and Justice. *International Journal of Philosophical Studies*, 8 (3), 351–370.
- Henning C.** (2015). Political economy with perfectionist premises: Three types of criticism in Marx. In: *Constructing marxist ethics: Critique, normativity, praxis*. T.M. Brill (Ed.), 266–287. DOI:10.1163/9789004254152_012
- Kamenka E.** (1969). *Marxism and ethics*. New York: Palgrave Macmillan.
- Nietzsche F.** (1968). *Studienausgabe in 4 Banden, Ausgewählt und eingeleitet von Hans Heinz Holz*. Frankfurt am Main: Fischer-Bucherei.
- Petrovic Y.** (1971). *Philosophie und revolution. Modelle für eine Marx-interpretation mit Quellentexten*. Hamburg: Rowohlt.
- Sohn-Rethel A.** (1972). *Geistige und körperliche Arbeit. Zur Theorie der gesellschaftlichen Synthesis*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Wallimann I.** (1981). *Estrangement: Marx’s conception of human nature and the division of labor. (Contributions in philosophy)*. Westport: Greenwood Press.
- Westphal K.R.** (2016). *How Hume and Kant reconstruct natural law. Justifying strict objectivity without debating moral realism*. Oxford: Clarendon Press.

Поступила в редакцию 17.07.2021

Received 17.07.2021

M.S. Sushentsova

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

I.G. Chaplygina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

The nature of humanism and materialism of Marx’s concept of man

Abstract. This paper is devoted to clarification of Marx’s view of man in terms of his special humanism and materialism. The authors argue that Marx’s works contain normative elements and the basic value for him is free human self-realization. But this self-realization doesn’t serve as a mean for embodiment of certain human ideals; it is the end in itself. So, the authors qualify Marx’s position in comparison with other kinds of humanism as non-directed anthropocentrism. Marx

rejects the autonomy of abstract ethics, as well as any abstract categories, and raises the significance of human practice as the process of life's actualization. In this context, the historical materialism of Marx appears closely related to his conception of man as an active agent of history and creator of material world: significant part of material world is interpreted by Marx as the estranged and objectified human subjectivity; nature and man are perceived as the dialectical unity, and the first one acquires its significance only as the living space of the second. This allowed the authors to propose the term "subjective materialism" for defining Marx's approach. Even in Marx's later works, the historical task of developing productive forces appears to be permeated with the general humanistic goal of full human liberation and recovery its primacy in relation to the external world. And this task appears to be the key trend of the history in the Marx's conception.

Keywords: *Marx, Marx's concept of man, humanism, anthropocentrism, subjective materialism, ethics, alienation, dialectics, fetishism, goals of historical development, communism.*

JEL Classification: B14, B40.

For reference: **Sushentsova M.S., Chaplygina I.G.** (2022). The nature of humanism and materialism of Marx's concept of man. *Journal of the New Economic Association*, 1 (53), 181–200. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-53-1-9